

Julian Tuwim – Юлиан Тувим

Zemsta

Ledwo zadrżą w powietrzu wiosenne podmuchy
I ciepły promień słońca pokoje oświeci,
Budzą się w oknach czarne bzykające muchy
I podchodzą do okien małe miejskie dzieci.

...Błądzą za biegiem muchy oczy podkrążone
I palce się po szybach ślizgają pospiesznie,
Już ją ma... nie, uciekła, w inną biegnie stronę,
Aż ją dziecko w kąciku przyłapie uciesznie.

Chwyta ją w zawalane atramentem palce,
W ogryzionych paznokciach okrutnie ją ścisną,
Obrywa jej skrzydełka, aż, zwycięzca w walce,
Rzuca muchę, dość mając tego widowiska.

A nocą, kiedy dziecko, zmówiwszy pacierze,
Zda się śpi snem niewinnym – w strasliwej ohydzie
Potwornego snu wstaje gigantyczne Zwierzę
I za zbrodnię dnia głupią – Wielka Zemsta idzie!

Месть

Повеяло весной едва,
И солнца лучик в мир пробился.
Проснулись мухи от сна,
Мальчишки вышли веселиться.

Малыш следит за мухой черной,
Скользя рукою по стеклу.
Ах вот она, поймаю скоро...
И вот зажал ее в углу!

Схватил ее рукой чернильной,
Обгрызленным ногтем прижал
И оторвал ей крылья. Сильный,
Поиздевавшись, заскучал.

Едва уснул он сном невинным,
Пробормотав молитв слова,
К нему в обличии зверином
Заслуженная месть пришла.

Кара

Лишь весны затрепещет в лазури дыханье,
И комнаты теплый луч солнца осветит,
В окнах будятся черные мухи с жужжаньем
И к окнам подходят малые дети.

Сон сморгнув, детский глаз вторит мухи движенью,
И по стеклам пальцы скользят ей вдогонку,
Вот, держу... Нет, бежала в другом направленьи,
Но в углу попадет в пригоршню ребенку.

Их хватают в чернильных подтеках пальцы,
В них впиваются жутко неровные ногти,
Рвут им крылья, покуда, упившись властью,
Насмотревшись вдоволь, их прочь не бросят.

А ночью, когда чадо, прочитав молитву,
Спит, кажись, сном невинным, – в омерзенье кошмара,
В бреде липком встают гигантские Звери,
И за дня преступленья вершится кара!

Перев. Никита Аносов

Месть

Едва возникает весны дуновенье
И спальню пронзает луч солнца,
Оживают жужжащие черные мухи,
А дети подходят к оконцам.

Следят за мухами сонливые глаза,
И пальцы по стеклу скользят проворно
«Ах, вот она»!
Нет, унеслась, в другой уж стороне она была,
Пока ребенок не поймал ее в углу задорно.

Он пальцами в чернилах муху ту хватает,
Ногтями, что обгрыз, безжалостно сжимает,
И победитель обрывает крылья до тех пор,
Пока животное ему не докучает.

А ночью, когда прочитавший молитву
Ребенок, казалось, уж спит мирным сном
Все ж в жутком сюжете кошмара Животное то восстает
И за такой глупый проступок Великая Месть настает!

Перев. Наталья Соколова

Перев. Татьяна Максименко

Z powodu maszyn

Bardzo ładne te wszystkie maszynki,
Samopędy, auta elastyczne,
Sprawne, wartkie, dynamiczne, elektryczne,
Śmigieł młynki, niecierpliwe sprężynki.

A co trzeszczy, warczy i rozsadza?
Ruch kusiciel, zaciśnięte serce,
Uwięzione jak piorun w butelce,
Ujarmiona krzycząca władza.

A żarówka jakim ogniem nabrzmiewa?
Stara przemoc się buntem rozpala,
Pęd zduszony powoli wylewa,
Z męki się swojej wyzwala.

Bies, ścierwo, błyska i kręci,
Prądem razi w stal, łoskotem gromi.
A nam – sztywna śmierć. Bowiem święci,
Pamiętajcie! zawsze byli nieruchomi.

По поводу машин

Очень ладные все те машинки,
Самоходные, авто эластичные,
Четкие, быстрые, электрические, динамичные,
Крыло мельницы, нетерпеливые пружиночки.

А что трещит, ворчит и взрывается?
Движение-искуситель, сердце сжимается,
Будто молния, в бутылке запертая,
Мощность кричит, приманенная.

А каким огнем лампочка надувается?
Старое насилие бунтом разжигается,
Сдавленный импульс медленно рождается,
С муками освобождается.

Бес, падаль, блещит и крутит,
Движение громит сталь, с грохотом рушит.
А нам - жестокая смерть. Ибо помните!
Всегда святость стоит недвижима. Помните!

Перев. Мария Руднева